

Владимир Евгеньевич (Зеэв)
ЖАБОТИНСКИЙ
1880 – 1940

Владимир
ЖАБОТИНСКИЙ

Самсон назорей

•

Пятеро

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Ж 12

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-25130-4

© В. И. Хазан, примечания, 2007
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

Самсон назорей

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Гого написал и, может быть, имел право написать в примечании к «Рюи Блазу»: «Само собою понятно, в этой пьесе нет ни одной детали — касается ли она жизни частной или публичной, обстановки, геральдики, этикета, биографии, топографии, цифр, — ни одной детали, которая не соответствовала бы точной исторической правде. Когда, например, граф Кампореаль говорит: „Содержание двора королевы стоит 664 066 дукатов в год“, — можете справиться в такой-то книге (следует заглавие) и найдете именно эту цифру».

Я, со своей стороны, о предлагаемом рассказе из времен Судей ничего подобного не утверждаю. Повесть эта сложилась на полной свободе и от рамок библейского предания, и от данных или догадок археологии.

В. Жаботинский

Глава I

НА ВСЕ РУКИ МАСТЕР

По дороге, ведущей с юга, спускался усталый путник; за ним на длинной кожаной узде плелся ослик, нагруженный двумя веревочными мешками. Человеку было на вид лет тридцать пять; у него была курчавая черная бородка и любопытные азартные глаза навыкате. На голове у него был повязан грязный белый платок; бурюю рубаху-безрукавку свою он подобрал до колен, чтобы легче было идти; от этого над поясом образовался у него спереди отвислый мешок, где болталось что-то тяжелое, вероятно съестной припас. Кожаные подошвы с ремешками он бережливо подвесил к поясу и шел босиком. Тяжелый плащ, вроде одеяла, тоже бурого цвета, был аккуратно сложен между двух мешков на спине у осла.

Солнце шло уже к закату, и было прохладно. Время дождей кончилось только на днях. Долина, к которой вела эта каменистая, еще не очень пыльная дорога, и холмы вокруг долины праздновали лучший свой час: зелень рощ и виноградников еще не успела посереть от пыли, ручьи начали мелеть, но еще не пересохли. Красная земля была густо возделана; в долине виднелся большой городок и по пути к нему отдельные дома с садами барского вида; на холмах издали тоже вырисовывались контуры нескольких крупных селений. Путник сказал сам себе:

— Богато живут люди.

В голосе его не было зависти, хотя брел он из малопродуктивного южного нагорья. Скорее было в его голосе удовлетворение, ибо он был человек из безземельного клана, не имеющий дома и никогда не мечтавший о доме, а потому недоступный и зависти, пороку мужа: если этот край богатый, тем лучше и для пришельца.

До первого барского дома оставалось несколько сотен шагов, и от него до городских ворот еще в три раза дальше. Дом этот был большой и красивый, с круглыми столбами и всякими пристройками; за ним лежала широкая впадина — теперь, после дождей, временный пруд. Из дома вышли две женские фигуры; неспешно, шагом прогулки, они направились в гору, навстречу путнику с ослом. Они были поглощены своей беседой или, может быть, спором; одна, пониже, горячилась и размахивала руками. Через несколько минут путник увидел, что это черноволосая девочка лет двенадцати; вторая, с богатой рыжей прической вокруг головы, казалась года на три старше. Судя по платью, которое было много длиннее, чем у женщин его племени или у туземок, и другого покроя, путник догадался, что девушки из филистимской семьи. Когда они подошли ближе, он прищурил один глаз, оценивая на расстоянии шерсть, из которой была сделана их одежда: шерсть была хорошего качества, особенно на старшей. В нескольких шагах от них он остановился и учтиво сказал:

— Здравствуйте, девицы.

— Здравствуй, — ответила рыжая и сейчас же улыбнулась. Это была очень хорошенькая девушка, зеленоглазая, с задорным и веселым выражением лица; от улыбки у нее сделались ямочки на обеих щеках. Она остановилась; младшая тоже остановилась, но неохот-

но, и смотрела исподлобья в сторону. У нее тоже были зеленоватые глаза.

— Что за город внизу? — спросил мужчина.

— Тимната. А ты торговец?

Девушка при этом указала на выюк.

— И торговец. Показать тебе гребешок из слоновой кости? Или амулеты? Цветные пояса? Мази?

Он стал подробно перечислять свои товары с указанием, из какой страны вывезен каждый; географических названий было очень много, и младшая девушка проворчала, все не глядя на него:

— И земель таких, верно, нет на свете. Он купил свой хлам где-нибудь у городских ворот; торгует старыми вещами, как все эти разносчики с нагорья. Моя мать всегда говорит: хороший купец приходит со стороны Экрона, а не из Адуллама.

Он хотел ответить, но старшая вмешалась, по-видимому желая загладить резкость:

— У нас нет денег, добрый человек, а старшие все ушли из дому. Вот наш дом; если хочешь, приходи завтра утром — все равно ты ведь должен ночевать в Тимнате, уже скоро вечер.

— Спасибо, красавица, — сказал торговец, — приду. Если понравится, купите; если есть у твоих родителей что продать — может быть, и я куплю. Твоя сестра права: у меня всякий товар, новый и старый, видимый и невидимый. — И, дергая за узду, чтобы вывести осла из состояния понурой задумчивости, он деловито прибавил: — А есть у вас в Тимнате блудница?

Этот вопрос он задал без всякой неловкости, хотя был человек вежливых привычек и нравственного образа жизни. Постоялые дворы содержались в то время женщинами свободного сословия; оба понятия считались синонимами. Рыжая девушка ответила также деловито:

— Есть, только надо пройти весь город; ее дом у северных ворот. Любой встречный тебе укажет.

Младшая опять забормотала сквозь надутые губы:

— Незачем спрашивать у встречных; он услышит гомон еще с полдороги.

Путник попрощался и, уходя, скосил глаза на раздражительную девочку. Она ему не понравилась. Она была мало похожа на старшую. Вряд ли это были сестры; впрочем, в черных кудрях младшей под косым солнцем тоже рдели красные отливы. Очень она ему не понравилась, и, шагая и ругая ленивого осла, он прошептал длинное и сложное заклинание против дурного глаза.

Пока он дошел до Тимнаты и пока надел сандалии, без которых считал неудобным вступить на землю просвещенного поселения, солнце уже село и улицы были пусты. Эта сторона города произвела на него впечатление богатого квартала: часто попадались каменные дома, и по запахам, которые доносились вместе с гарью из-за низеньких заборов, ограждавших навесы над печами, он точно определил, что почти всюду жарится козье мясо. В некоторых домах были резные двери; кое-где слышалось пение и звон струнного инструмента.

Раб из туземцев, тащивший на голове корзину с сушеным навозом для растопки, указал ему путь к дому блудницы. Еще задолго до харчевни характер зданий изменился: тут жила беднота в лачугах из обожженной на солнце глины или просто в серых земляных коробках; жители сидели на корточках перед входами и ели пальцами какую-то крупу. Уже стемнело; изредка жалкие светильники выделяли грубые и резкие черты: филистимлян среди них не было, вся эта городская голь, наемники, ремесленники и нищие, составила из обломков туземных племен. Имена их он знал,

бывал не раз в городах и селах иевуситов, гиргасеев, хиввейцев, умел их отличать друг от друга с первого взгляда, а косолобого хиттита и тонкогубого аморрея узнавал по гордой осанке даже издали. Но здесь это была просто низкая помесь, худосочные выжимки двадцати племен, раздавленные до обезличения меж двух жерновов, двух народов-завоевателей.

Постоялый двор помещался у самых ворот. Действительно, еще издали можно было услышать оттуда гомон чересчур громких голосов; у ограды столпились все бездомные собаки предместья, все одинаковые, без признаков породы, как их соседи — люди, и, не толкаясь и не огрызаясь друг на друга, ждали часа, когда служанка выбросит им объедки. За оградой был просторный двор, освещенный двумя смоляными кувшинами; на дворе был поставлен длинный стол, по колену взрослому мужчине, и там шла попойка: человек двадцать сидело и лежало вокруг, одни на плетенках, другие прямо на земле. Низкий и широкий земляной дом находился в глубине двора; у порога его стояла хозяйка и звонко, на весь двор, командовала своим штатом. Видно было, что гостиница хорошо поставлена: мужская прислуга состояла из двух плечистых негров, которые, подавая блюдо, весело скалили зубы (хананская раса и тогда не умела прислуживать за столом приветливо и ласково), а горничные — две белые и одна мулатка — были девушки приятной дородности и легко одетые. Кухня была в дальнем конце двора, под навесом, с невысокой загородкой с подветренной стороны: четыре глиняные печи в форме полушарий, разрезом вниз, посылали дым прямо в звездное небо, и еще что-то большое жарилось прямо на углях, поверх плоского камня, и один из негров время от времени поворачивал тушу палкой.

Новопришедший, осторожно обводя осла подальше от пирующих, направился к хозяйке. Она, как те

две девушки из загородного дома, была в длинном платье с плотно прилегающей талией. Он впервые попал в Филистию, но знал, что в этой стране с женщинами вольной жизни надо обращаться почтительно.

— Здравствуй, госпожа, — сказал он. — Могу я у тебя поужинать, переночевать и накормить осла?

Хозяйка, не глядя на него, закончила начатое проклятие по адресу одного из негров; потом внимательно осмотрела гостя при свете смоляной кадки и ответила:

— В комнате места не будет; придется спать на дворе. Стойло налево, за домом; отведи осла сам, слуги заняты. Есть можешь у печи — не садись к столу, тут все свои, они посторонних не любят.

Он посмотрел в сторону стола. Все эти люди были хорошо одеты, с расчесанными бородами, — впрочем, много было и безбородой молодежи. Часть уже снимала шапки, но на остальных еще красовался филистимский головной убор, похожий на корону из раскрашенных перышек, торчком вставленных в яркий окольш. Новый гость, несмотря на плохое освещение, сразу мысленно оценил и добротность тканей, и качество пищи, загромождавшей стол, — тут было и мясо, нарезанное широкими полосами, и зелень, и редкостное для горного жителя блюдо — рыба, и сушеные плоды, и пирожное, и много вина.

— Богатые господа, — сказал он хозяйке. — Я сяду в сторонке, но потом, когда они совсем развеселятся, попробую подсесть. В тюках у меня кольца, кошельки, пояса, ремешки для сандалий, застежки для рубах; кому-нибудь из них может понадобится и любовная трава, прямо из Мофа: действует верно, все равно как рвотный корень, и почти так же быстро.

— Вряд ли им будет до тебя. Я их знаю: когда Таиш угощает, дело всегда кончается или сном вповалку, или дракой.

— Если напьются до обморока, надо будет кому-нибудь пустить кровь; если переранят друг друга, понадобятся примочки. У меня есть лекарства, и я умею отворять жилы без боли. Кроме того...

Он пристально посмотрел на хозяйку, она пристально посмотрела на него, и оба как-то поняли друг друга. Он сказал вполголоса:

— Мало ли что может обронить пьяный человек. Браслет, цепочку, кошелек...

— У каждого из них хорошая память, — отозвалась хозяйка, — выспавшись, он обыщет весь дом.

— До полудня не проснется, а я всегда пускаюсь в путь на заре. Пусть ищет у тебя: что он найдет, кроме — скажем — цветной шали, которую ты у меня — скажем — купила? А меня не догонят.

— Умный ты человек, — сказала хозяйка, — и на все руки мастер. Купец, и лекарь, и... добытчик.

— И еще много других у меня рукоделий, госпожа, гораздо более важных. Я знаю заклинания, умею плясать у жертвенников — на все лады, по-ханаанскому, по-израильскому, по обычаям народов пустыни; если нужно, за один день выучусь и по-вашему. Умею писать на черепках, на козьей шкуре и на папирусе; могу обучать детей в богатом доме книжному искусству, молитвам какой угодно веры, игре на флейте, игре на лире...

— Ты по виду похож на соседей наших из племени Дана, — сказала хозяйка, — но я в первый раз в жизни вижу такого данита. Эти соседи наши из Цоры — неотесанное мужичье, куда тупее туземцев, а ты — словно приехал из Египта. Кто ты такой? Откуда?

— Я в самом деле сродни колену Дана, только из другого племени. Я — левит, родом из Мамре, близ Хеврона, где жертвенник лесной Ашеры, — ты о ней слыхала? Очень важная богиня. У нас-то самих вера другая, но это не к делу.

— Левит? Никогда не слыхала о такой стране.

— У нас нет страны. Мы живем повсюду, вся земля наша. Брат моей матери — большой священник в столице иевуситов, что в горах; другой родственник управляет певчими в Доре, при капище тамошнего бога; третий ушел искать работы к вам в Яффу и, должно быть, тоже устроился. Я, собственно, тоже бреду в поисках жертвенника. Но по пути надо же кормиться.

— Хурру! — крикнула хозяйка.

Подошел один из негров.

— Отведи осла и дай ему отрубей; выюкними и оставь здесь.

— Земер!

Подбежала одна из служанок; левит отвел глаза, чтобы не видеть изъянов ее костюма.

— Постели для гостя циновку помягче и дай ему вина и баранины со стола.

Потом она прибавила:

— Ты говорил о шали? Покажи.

Глава II

ШУТ

Медленно и степенно закусывая, левит разглядывал пирующих и слушал их беседу. Из беседы было ясно, что не все они местные жители: часть пришла из Гезера, другие из Экрона, один даже из Асдота — этот, очевидно, случайно попал в Тимнату по делу, и его затасили на попойку; но остальные к ней, по-видимому, готовились несколько дней. Повод скоро выяснился из перестрелки шуток. Угощал компанию некий Таиш («Смешные у них имена», — подумал левит) и на правах гостеприимного хозяина шумел громче всех; голос у него был редкой силы, глубокий бас, но лица нельзя

было рассмотреть — соседи заслоняли; иногда только переливались пестрые глянцевиные перья его большой филистимской шапки. Угощал он потому, что проиграл заклад; насколько можно было понять, заклад состоял в том, что Таиш взялся перепрыгнуть, опираясь на шест, через какую-то не то речку, не то пруд, в самое половодье, но не допрыгнул до берега и при всех свалился в воду. Большая часть острот вращалась вокруг вопроса, успел ли он уже просохнуть. Остроты были, как обычно бывает на пиру, сами по себе несколько не острые, но в этой обстановке всем казались ужасно меткими. Таиш несколько не обижался, хотя гулким басом и угощал без скупости, все время понукая служанок.

Постепенно красноречие веселой банды перешло на новую тему — во сколько серебра обойдется этот пир.

— Ахтур! — закричал один из гостей, — пощупай его кошелек. Как бы не пришлось делать складчину — а у нас, экронцев, нет ни полушки!

Этот гость все время потешал общество тем, что резал мясо стальным мечом. Люди из Экрона ввиду дальней дороги пришли вооруженные, но уже давно, для удобства возлежания, отстегнули свои короткие мечи.

Ахтур сидел справа от Таиша, и его левит ясно разглядел: это был щеголеватый юноша, очень красивый; лоб его и нос образовывали одну прямую линию, без впадин и горбин. Он притворился, будто взвешивает под столом что-то непомерно тяжелое, и серьезно доложил:

— Не бойся. Половина виноградников Цоры звенит в его мошне!

Общий хохот, над которым внушительнее всех бунчал басовый рев самого Таиша.

— Нечестивец обобрал своего отца!

— Ограбил городскую казну!

— Если и обобрал, — загудел голос хозяина попойки, — то не те виноградники, не того отца и не ту казну, о которых вы думаете.

— А кого?

Кто-то откликнулся:

— В Яффу недавно прибыл египетский флот: их послали в Сидон за лесом, но в открытом море пираты забрали у них все мешки с золотом. Не твои ли это люди, Таиш?

Другой возразил:

— Его товарищи называются «шакалы», а не «акулы»: они работают на суше.

— Друг мой, — вставил третий, — не твоя ли работа — тот мидианский караван, что добрел недавно до Газы без верблюдов и без рубах?

Таиш казался очень польщен, но принять эту высокую репутацию не пожелал.

— Так далеко мои «шакалы» еще не добежали, — гремел он.

— Откуда же твое богатство?

— Отгадайте! — Он вдруг выпрямился, поднял руку и провозгласил: — Вот вам загадка: двадцать хозяев, а гость один. Кто такие?

Человек из Асдота, постарше всех остальных и не столько выпивший, сказал:

— Я отгадал. Наш хозяин поит нас за счет всего того, что он у нас же выиграл в прежние разы.

Филистимлянам это чрезвычайно понравилось, и почти все захлопали в ладоши: они любили удачную проделку, даже если шутка была сыграна с ними самими. Два десятка пьяных голосов стали наперебой вспоминать прежние пари, выигранные или проигранные главой сегодняшнего пира. Он был, по-видимому, великий игрок перед Господом, и притом одаренный исключительной фантазией. Темы закладов отличались

поразительным разнообразием: от стопки меда, которую надо было выпить, вися на суку вверх ногами, и до бега взапуски с лошадей, принадлежавшей кому-то из экронских гостей.

Теперь, когда он выпрямился, Таиша можно было разглядеть. Левит заинтересовался им с минуты, когда выхолонный сосед его, Ахтур, упомянул о Цоре. Он знал это имя: город уже давно был занят коленом Дана, и хозяйка час тому назад это подтвердила. Левит опять прищурил один глаз: это была манера его племени, когда нужно было рассмотреть предмет во всех подробностях. Таиш казался человеком широкоплечим и плотным в груди, но еще очень молодым, борода едва пробивалась. Одет он был как все остальные; шапка, сдвинутая назад, открывала невысокий, но широкий лоб. Ноздри его раздувались и дрожали от смеха, и в юношеских щеках делались ямочки; левит вспомнил рыжую девушку. Рот у молодого кутилы был, может быть, и небольшой, но он беспрерывно открывал его настежь, хохоча во все горло и показывая белые ровные зубы; зато подбородок был квадратный, выпуклый и тяжелый и шея чуть-чуть грузная для его возраста. По чертам лица он мог быть кто угодно, и данит, и филистимлянин, но по одежде, манерам поведения было ясно, что он, хоть и имеет какое-то отношение к виноградникам Цоры, родной брат остальной компании; и, наконец, левит, человек бывалый, никогда не встречал среди своих человека с таким странным именем — и вообще никогда не видел шута в своем суровом и озабоченном народе.

Филистимлянин, решил левит окончательно.

Между тем широкоплечий филистимлянин совсем разошелся. Он сыпал прибаутками, по большей части такими, что левит в своем углу качал головою, а служанки взвизгивали и закрывали руками лица,

хотя у каждой из них было по крайней мере еще три способа гораздо убедительнее проявить свою стыдливость. Он показывал фокусы: глотал кольца и находил их у соседа за поясом, порылся в седоватой бороде асдотского гостя и вытащил оттуда жука, затолкал в рот сплошной каравай инжира и, стиснув зубы, одними движениями нёба и глотки отделил и проглотил все фиги одну за другой — все это видели ясно и дивились, после чего он вынул нетронутую массу изо рта и бросил ею в собак. Потом он приподнялся на коленях (он оказался очень высок, но тонок в талии, как девушка), схватил три глиняные плоски и разом все три подбросил в воздух, поймав одну головой, вторую рукою спереди, третью рукою за спиной. Наконец, когда гости уже надорвались от хохота и могли только выть, он изобразил в голосах сходку зверей для выбора царя. Иллюзия была полная. Вол ревел, рычала пантера, хрипло и гнусаво хохотала гиена, осел храпел, верблюд злобно урчал, блеяли овцы, и все это шло так быстро попеременно, точно звери действительно спорили и прерывали друг друга; в конце, побеждая разноголосицу, торжественно и подробно замекекал старый козел, и всем стало ясно, что он избран царем. Гости уже плакали от смеха и обессиленно махали руками; негры катались по земле, хозяйка и три горничные были в истерике; сам левит, хотя помнил свое место и, говоря вообще, не одобрял шумного веселья, не мог удержаться от одобрительного возгласа.

Таиш услышал; он всмотрелся в полутемный угол двора у кухонного навеса и окликнул хозяйку:

— Дергето! Что это у тебя за странник?

Она подошла к столу:

— Купец; очень приличный господин. Он с нагорья, но совсем особенный — говорит длинно, как священник из Экрона... Не смей! — И она обеими руками

сразу ударила по головам двух возлежавших, между которыми стояла и которые, по-видимому, выразили ей свое внимание в форме, не соответствующей времени и месту.

— Зови купца сюда, — распорядился Таиш. — Эй, путник! Приглашаю тебя к столу. Земер, дай ему жареной рыбы и чистый кубок; а он нам за то расскажет, что слышно на свете.

Левит быстро стянул с головы свою засаленную повязку, пригладил волосы и, подойдя к столу, учтиво поклонился на три стороны. Он привык к обществу инородцев; с филистимлянами, правда, еще не встречался, но и их не робел. Вот уже много лет в южном Ханаане был мир. Войны с туземными племенами давно кончились и на востоке, и на западе; покоренные народы примирились с судьбою, непокоренных решено было не трогать, а оба завоевателя, Израиль и Кафтор, пока соблюдали между, разделявшую сферы их влияния. Ряд боевых поколений утомил и тех, и других, и третьих; все они дали самим себе долгую передышку, и — кроме разбойников — никто никому не мешал переходить из области в область.

— Меня зовут Махбонай бен-Шуни, из семейства Кегата, старшего в колене Леви, — представился корректный левит, но никто его не слушал; пирушка дошла уже до той ступени, когда общих тем для всего стола больше нет и соседи пьют, беседуют, целуются или ругаются друг с другом. Таиш, запросто и, по-видимому, без усилия отодвинув подальше своего осовевшего соседа слева, указал на освободившееся место. Левит сел, обмакнул пальцы в плошку с водою и, пробормотав негромко заклинание (он давно или вообще никогда не ел рыбы), занялся едою; но блюдо было сложное, с кожей и косточками, и вкус необычный, а потому он скоро объявил, что не голоден, и выпил немного вина, смешав его с водою.

Жаботинский В.

Ж 12 Самсон назорей ; Пятеро : романы / Владимир Жаботинский. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 640 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-25130-4

Владимир (Зев) Жаботинский (1880–1940) — русский и еврейский писатель, блестящий прозаик, тонкий поэт, ядовитый публицист и чуткий переводчик, одна из центральных фигур сионизма, крупнейший идеолог еврейского государства. Его литературные работы превозносили Александр Куприн и Максим Горький, с ним дружил Корней Чуковский, под конец жизни говоривший о Жаботинском: «В нем было что-то от пушкинского Моцарта да, пожалуй, и от самого Пушкина... Даже враги его должны признать... что он был грандиозно талантлив». В этот сборник вошли два самых ярких прозаических текста Жаботинского, романы «Самсон назорей» (1926) и «Пятеро» (1936).

Роман «Самсон назорей» — гимн свободолюбию, заново рассказанная и напитанная жизнью история библейского персонажа, несовершенного и непобедимого героя эпохи Судей. Казалось бы, сюжет всем известен (Самсон, разрывающий пасть льву; Самсон, убивающий тысячу врагов ослиной челюстью; Самсон и Далила; Самсон, торжествующий над филистимлянами), однако Жаботинский рассказывает о том, что осталось за кадром: о мудрости и гневе, которые медленно прорастают из самого человеческого нутра, и о невозможности и неизбежности победы.

А в романе «Пятеро», написанном по мотивам воспоминаний Жаботинского об Одессе начала XX века, бешеный грохот истории мешается с тихой ностальгической печалью, невинное хулиганство студиязусов — с подспудным зверством и бескорыстным революционным пылом, а разухабистое веселье — со стоической обреченностью. Здесь отзвучивают неудержимое жизнелюбие и сумрачный смех «Одесских рассказов» Бабеля, порой — почти детский пафос «Белеет парус одинокий» Катаева, а порой даже элегичность очень далекого и все же близкого Вильно из «Дорога уходит в даль...» Александры Бруштейн, однако герои «Пятерых» уже не дети, и потому всего яснее и яростнее в нем звенит предчувствие восхитительных и страшных перемен на грани гибели мира.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ВЛАДИМИР ЕВГЕНЬЕВИЧ ЖАБОТИНСКИЙ
САМСОН НАЗОРЕЙ

ПЯТЕРО

Ответственный редактор Анастасия Грызунова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Валентина Гончар, Маргарита Ахметова

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 05.03.2024.
Формат издания 76 × 100 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 28,2. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.оаопрк.ru, тел.: (49638) 20-685

Y-AKB-34116-01-R